

УДК 330.857/858
ББК 65.02(2)6
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).533-555](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).533-555)

И. А. Кузнецов

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

ДИСКУССИИ ОБ АГРАРНОМ КРИЗИСЕ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В 1920–1960-х ГОДАХ

Аннотация. Дается историографический анализ идей советской политической экономики в области теории аграрных кризисов как специфических экономических феноменов; ставится вопрос о возможности использовать эти концепции при объяснении кризиса российской агросферы 1990-х гг.

Ключевые слова. Аграрный кризис, земельная рента, история аграрно-экономической мысли, политэкономию.

I. A. Kuznetsov

*Russian presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

DISCUSSIONS ABOUT THE AGRICULTURAL CRISIS IN THE SOVIET POLITICAL ECONOMY IN 1920–1960

Abstract. The article analyzes the ideas of the Soviet political economy in the theory of agrarian crises as a special economic phenomena; the question of the ability to use these concepts in explaining the agrarian crisis in Russia in the 1990s is raised.

Keywords. Agrarian crisis, the history of agrarian-economic theory, land rent, political economy.

Теория экономических кризисов принадлежала к числу немногих разделов догматизированной советской политэкономии, в которых на протяжении десятилетий происходило некое развитие идей [1]. В ее рамках сложилась и специфическая теория аграрных кризисов. В отличие от промышленных или общекapиталистических кризисов, над объяснением которых трудился еще сам К. Маркс, аграрные не имели изначальной ортодоксальной марксистской теории. Ее костяк сформулировали марксисты-аграрники в ходе дискуссий 1920-х – 1930-х гг., и в последующие годы она подвергалась трансформации. Данная статья имеет своей задачей историографический анализ этого пласта экономической мысли. Какие идеи выдвигались и рассматривались на разных этапах дискуссии? Какие из них были приняты, и какие отвергались, с какой аргументацией? Почему советская экономическая мысль оказалась несостоятельна, столкнувшись с реалиями аграрного кризиса в России 1990-х гг.?

Особенностью советской политэкономии, коренившейся, очевидно, в интернациональном характере марксизма, была ориентация на проблемы мирового масштаба. Примечательно, что дискуссию об аграрном кризисе в среде аграрников-марксистов в 1920-е гг. всколыхнули не внутренние проблемы СССР периода НЭПа, а мировой экономический кризис 1920–1921 гг., вызванный окончанием Первой мировой войны. Кризис ознаменовался падением цен на сельскохозяйственную продукцию. Хотя в 1924 г. цены стабилизировались, возникло опасение, что произошедший спад есть начало новой длительной аграрной депрессии, наподобие той, что была в последней четверти XIX в. Об этом почти одновременно начали писать разные авторы в Европе и США. В советской печати одним из первых о наступлении нового мирового аграрного кризиса заявил Н. Осинский (В. В. Оболенский). В 1924 г. он вступил в полемику с Н. Д. Кондратьевым,

говорившим о «послевоенной стабилизации» и благоприятных перспективах мирового сельского хозяйства [15]. В их работах вопрос о кризисе рассматривался не столько в идеологическом, сколько в прагматическом ключе: речь шла о перспективах восстановления зернового экспорта из СССР и выработке адекватной внешнеэкономической политики.

Новый импульс дискуссии о правильном понимании природы аграрного кризиса придала книга известного германского теоретика-аграрника Макса Зеринга (1857–1939), вышедшая в русском переводе в 1927 г. [4]. Его концепция базировалась на законе убывающей производительности затрат, согласно которому интенсификация сельского хозяйства должна вести к повышению цен на продукты. «Человечеству не суждено долгое время жить в избытке, и в общем и целом все сельское хозяйство подлежит закону недостаточной продукции», — полагал М. Зеринг [4, с. 55]. Он находил в истории предыдущих 150 лет лишь три события, которые нарушили закономерный, с его точки зрения, ход вещей: 1) наполеоновские войны, 2) «заселение бесплодных степей в период железнодорожного строительства» (так формулировалась сущность процессов последней четверти XIX в.) и 3) мировая война.

Первый кризис завершился естественным путем, после чего «закон растущей покупательной силы сельскохозяйственных продуктов снова вступает в силу» на 45 лет [4, с. 46]. Второй кризис объяснялся конкуренцией дешевого русского и американского хлеба. Он закончился в конце XIX в. благодаря двум обстоятельствам: 1) индустриализации Средней Европы (прежде всего, Германии), 2) исчерпанию ресурсов экстенсивного роста сельского хозяйства в Америке. Рост цен трактовался как возвращение к «нормальному ценообразованию». Третий кризис был вызван концом высокой «военной» конъюнктуры, так как с 1920 г. США прекратили кредитование ввоза в Европу зерна и мяса.

Кризис, по оценке М. Зеринга, коснулся, прежде всего, Германии, США, Канады и Аргентины. Конечная причина низких цен виделась ему в низкой покупательной способности послевоенной Германии, поскольку эта страна, разоренная войной (и еще больше заключенным миром), выступала на мировом рынке в роли «предельного покупателя» [4, с. 64]. Его общее убеждение заключалось в том, что если не произойдет радикального улучшения экономического положения Германии, германского рабочего класса в особенности, то неизбежен мировой общеэкономический кризис. Думается, именно критика М. Зерингом Версальского мира и его прогноз насчет вероятности большого мирового кризиса сделали его книгу актуальной в СССР.

Апелляция М. Зеринга к «закону убывающей производительности» была сходу отвергнута аграрниками-марксистами. Ведь аналогичную теорию в России некогда развивал С. Н. Булгаков, раскритикованный В. И. Лениным еще до революции и высланный из СССР в 1922 г. как враг советской власти. Но главный удар марксистской критики пришелся на идеи, высказанные в предисловии к книге Зеринга ее редактором, советским экономистом М. Спектатором (М. И. Нахимсон; 1880–1938). Свои идеи он затем развил в ряде выступлений, собранных в 1929 г. в книжку [20]. Его теорию аграрных кризисов можно свести к нескольким положениям.

Во-первых, сельское хозяйство отстает в развитии от промышленности. Объективную обусловленность такого положения М. Спектатор аргументировал при помощи теории абсолютной ренты Маркса, выставляя тезис, что «монополия земельной собственности» и вытекающая из нее земельная рента тормозят приток капитала к земледелию: «Между сельским хозяйством и промышленностью существует... конкуренция в области капитала, и так как промышленность оказывает по целому ряду моментов гораздо более производи-

тельной и привлекает к себе больше капитала между прочим и потому, что здесь капитал не наталкивается на препятствия в виде ренты и цен на землю, то применение капитала в сельском хозяйстве идет весьма медленно, и вместе с этим медленно развивается интенсификация производства» [20, с. 28].

Во-вторых, промышленность играет ведущую роль по отношению к сельскому хозяйству. Из этого тезиса, который обосновывал еще К. Каутский в своем «Аграрном вопросе» (1899), М. Спектатор делал вывод, что причины аграрного кризиса надо искать в диспропорциях между сельскохозяйственным и промышленным производством. Говоря о подчиненной роли сельского хозяйства, он неосторожно бросил формулу, что «кризис в сельском хозяйстве есть только отражение общего кризиса» [20, с. 18], на которую впоследствии ополчились его коллеги-марксисты.

В-третьих, специфика сельского хозяйства состоит в низкой эластичности спроса на продовольствие. При ограниченности спроса «сильное предложение продуктов сельского хозяйства вызывает такое понижение цен, которое не покрывается соответствующим увеличением потребления» [20, с. 35]. Отсюда кризис перепроизводства.

В конечном счете, М. Спектатор был склонен жестко привязывать динамику сельскохозяйственного производства к промышленному, а аграрные кризисы — к промышленным. Так, аграрный кризис 1870-х — 1890-х гг. он объяснял промышленным застоєм, создавшим относительное переполнение рынка.

С критикой М. Зеринга и М. Спектатора в 1928–1929 гг. выступала С. Пикус [17–19]. В частности она критически отнеслась к трем выделенным Зерингом аграрным кризисам (после наполеоновских войн, 1870–1890-х гг. и с 1920 г.), отметив, что они совпадают с тремя «депрессивными волнами» Н. Д. Кондратьева, то есть, по ее мнению, не соответствуют марксист-

му [17, с. 23]. Она предложила собственную версию марксистской теории аграрного кризиса, которая исходила из признания специфики сельского хозяйства и определенной независимости его развития от промышленности. Специфика коренилась в отставании, что в марксистских терминах описывалось так: промышленность достигла стадии фабрики, а сельское хозяйство — задержалось на «мануфактурной стадии». Факт отставания сельского хозяйства признавал и М. Спектатор, но С. Пикус делала иной вывод: сельское хозяйство еще не доросло до той стадии, на которой развитие совершается в форме циклов и кризисов. В промышленности возможности производительных сил почти неограниченны, следовательно, неизбежно периодически возникающее перепроизводство. В сельском хозяйстве не так, значит, аграрные кризисы имеют иную природу.

Природу кризисов в сельском хозяйстве она усматривала в феномене ренты. В каждый данный период уровень рент (норма ренты) закрепляется в форме цен на землю. При вовлечении новых земель в культуру увеличивается производство хлеба, и весь вопрос в том, будет ли произведенное поглощено по прежней цене. Если да, то кризиса не случается, продолжается процветание сельского хозяйства. Если же нет, то худшие земли должны выбыть из производства, издержки на оставшихся (лучших) землях — ниже, следовательно, регулирующая цена производства понижается. За снижением рыночных цен стоит снижение «регулирующей цены производства»: «Падение цен есть результат изменения регулирующей цены, а не падение цены ниже регулирующей цены» [18, с. 52]. При этом должно происходить и снижение нормы ренты, однако так как прежняя, неадекватная изменившимся условиям норма рент зафиксирована в ценах на землю, она завышает издержки производства и ведет к разорению части производителей, у которых новые цены

не возмещают издержек производства. Таким образом, сущность кризиса — в «противоречии между рентой и новыми условиями производства» [18, с. 53]. Следовательно, чтобы устранить причину кризисов — ренту — необходимо обобществление земли. В своей основе эти идеи С. Пикус восходили к известной работе А. Л. Парвуса [16].

В 1929 г. в дискуссию включился П. И. Лященко (1876–1955), который завершал работу над книгой по экономической теории сельского хозяйства. По его мысли, теория аграрного кризиса должна венчать собой марксистское учение о «сельскохозяйственной экономии», однако теории, удовлетворявшей его требованиям, он не находил [11]. Марксистская общая теория кризисов, полагал он, безусловно, относится и к сельскому хозяйству, но она не покрывает всей проблематики сельскохозяйственных кризисов. Ключ к марксистскому пониманию этого явления он предлагал искать в противоречии между капиталом и частной собственностью на землю. Недостатком «социально-рентной» теории С. Пикус и А. Л. Парвуса он считал то, что в ней не рассматривались производственные условия возникновения кризиса [11, с. 29].

«В основе капиталистических кризисов, — утверждал П. И. Лященко, — должна лежать одна основная предпосылка... — возможность быстрого и массового расширения и удешевления производства на основе быстрого прогресса техники или непосредственно в области капиталистического производства в сельском хозяйстве, или в области производства средств сельскохозяйственного производства, или, наконец, в области капиталистических орудий обращения его продуктов и вовлечения его на рынок» [11, с. 42]. Причем эти сдвиги должны быть настолько глубоки, чтобы произвести значительное и длительное понижение средней «регулирующей цены» производства сельхозпродуктов. Однако «регулирующая цена» зависит также и от

платежеспособного спроса. Поэтому для возникновения кризиса, помимо роста производства, необходимо, чтобы спрос не увеличивался, иначе «он может поглотить не только весь прибавочный продукт производства новых земель, но даже частично удержать в производстве и старые земли, а следовательно и сохранить прежний уровень регулирующей цены» [11, с. 43].

Далее повторялась логика Пикус–Парвуса: при снижении «регулирующей цены» худшие земельные участки должны выбыть из сферы производства, а на остальных понизится рента. Но рента закреплена в ценах, арендах, ипотеках. Она является «ценообразующим фактором», который поддерживает тенденцию сельскохозяйственных цен к повышению, что входит в противоречие с понижением цен производства. В этом заключается, по П. И. Лященко, сущность механизма образования аграрного кризиса. Аграрный кризис устраняет «чрезмерно повысившиеся непроизводительные издержки капиталистического производства в виде рент» путем понижения доходов землевладельцев и разорения части их [11, с. 46]. Поскольку уровень рент закреплён «в арендных договорах, в цене земли, в ипотеках и пр.», кризис отражается и на других сферах экономики.

Идею цикличности аграрных кризисов П. И. Лященко не поддерживал. В истории он находил не три, как большинство его коллег, а четыре кризиса сельского хозяйства «в резких и очевидных их проявлениях»: 1) 1820-е гг.; 2) 1840-е гг.; 3) 1876–1896; 4) 1921–1922 гг. [11, с. 39]. При изучении аграрных кризисов П.И. Лященко считал необходимым также учитывать сохранение докапиталистических элементов в сельском хозяйстве, особенно таких стран, как Россия.

Оригинальную теорию аграрных кризисов в конце своей недолгой жизни выдвинул Г. А. Студенский (1898–1930). Его небольшая книга о техническом перевороте в сельском хозяйстве США была написана

по материалам поездки в Америку в 1929 г. [21]. Он пытался объяснить циклы аграрного развития Европы и Америки техническим прогрессом, имеющим скачкообразный характер. Кризис последней четверти XIX в., по его мнению, был связан с техническим переворотом, который произошел не только в средствах транспорта, но, с некоторым запаздыванием по отношению к индустриальной революции, и в самом сельском хозяйстве. Речь шла о появлении сельскохозяйственных машин, прежде всего жнейки и молотилки, резко увеличивших производительность труда в зерновом производстве. Именно наличие этих машин позволило американскому сельскому хозяйству совершить движение на Запад, без которого не было бы массового освоения новых земель. И уже тогда в США начался процесс вытеснения мелких полунатуральных зерновых ферм крупными товарными. Кризис закончился с началом нового витка индустриального развития, повысившим спрос на сельскохозяйственную продукцию. Далее развитие сельского хозяйства продолжалось на достигнутой технической базе. Кризис 1920-х гг. был вызван новым витком технического прогресса, в основе которого Г. А. Студенский усматривал распространение двигателей внутреннего сгорания. Наблюдая аграрное развитие в США в эти годы, он отмечал ряд кажущихся несообразностей: покупательная сила сельскохозяйственных продуктов падала, массы фермеров разорялись, посевные площади и количество скота сокращались, но при этом фермеры не сокращали, а увеличивали объемы производства, и, самое странное, земля дешевела. Объяснение всей цепи фактов Г. А. Студенский находил в распространении тракторов и комбайнов, конструкция которых к тому же стремительно совершенствовалась. Фермеры не сокращали производство потому, что наперегонки соревновались, кто дешевле произведет. Победителями в гонке выходили те, кто внедрял технику; за счет ро-

ста производительности труда они получали возможность производить больше и дешевле. Проигравшие разорвались. Рентабельно использовать технику могли только хозяйства не меньше определенного размера. Тем самым новый виток прогресса означал новый этап укрупнения производства путем вытеснения мелких производителей.

Концепция Г. А. Студенского, на первый взгляд, хорошо укладывалась в русло теорий аграрников-марксистов, ведь и они видели базовой предпосылкой кризиса развитие техники. В выводах он прямо солидаризировался с Марксом: «Поднимающаяся волна концентрации американского сельского хозяйства полностью подтверждает Марксов закон концентрации...» [21, с. 105]. Он старательно отмежевался от теории длинных волн Н. Д. Кондратьева [21, с. 107]. Его заключение относительно задач аграрного развития СССР — «Для нас нет иного выхода, кроме всесторонней механизации сельского хозяйства и его полнейшей технической перестройки. ...Либо мы сумеем переоборудоваться, либо будем задавлены чужим прогрессом и сброшены под откос» [21, с. 114] — буквально предвосхищало знаменитую сталинскую фразу «либо мы пробежим..., либо нас сомнут». Однако все это не смогло ввести в заблуждение идеологическую цензуру: мысль Г. А. Студенского развивалась в немарксистском дискурсе, в его теории отсутствовал социальный аспект. Реакция на нее была предсказуемо однозначной: «Форменная апологетика капиталистического сельского хозяйства» [2, с. 75]. Автор был объявлен «буржуазным» экономистом и репрессирован.

Начавшаяся осенью 1929 г. Великая депрессия в США, казалось, была подтверждением правоты советских теоретиков, ожидавших и предсказывавших новый кризис капитализма. Среди марксистов-аграрников быстро утвердилась точка зрения, что в 1929 г. начался не новый аграрный кризис, а лишь новый

этап того кризиса, начало которого они диагностировали в 1920 г.

В декабре 1929 г. прошла Первая всесоюзная конференция аграрников-марксистов. На секции теоретических аграрных проблем обсуждался и вопрос об аграрных кризисах. В этот период вопрос отчасти еще сохранял прагматическое значение, поскольку СССР выступал экспортером зерна. Однако центр тяжести переместился в политико-идеологическую плоскость: в преддверии ожидаемых революционных потрясений в «странах капитала» марксистская теория аграрных кризисов была призвана, прежде всего, обосновать политику Коминтерна на международной арене. Конференция имела характер не столько научной, сколько партийно-политической дискуссии, по итогам которой произошел своеобразный отбор канонических идей и отбраковка чуждых идеологическому канону.

С докладом о кризисах выступал Г. С. Гордеев, профессор экономического факультета Тимирязевской академии [22, с. 5–30, 71–80]. В центре внимания докладчика и многих участников стоял очень важный для марксистов вопрос: если аграрные кризисы есть кризисы капиталистические, то зачем для них нужна особая теория, почему их нельзя объяснить с позиции общей теории кризисов К. Маркса? Если же аграрные кризисы требуют специальной теории, то не является ли это свидетельством особой, некапиталистической природы сельского хозяйства, о существовании которой говорили многие критики марксизма?

Доклад Г. С. Гордеева строился в значительной мере на критике положений других авторов. В частности, были отвергнуты идеи П. И. Лященко о важности учета «докапиталистических» крестьянских хозяйств или пережитков феодализма в сельском хозяйстве. Работы С. Пикус были истолкованы как «рентная» теория кризисов, которая критиковалась за односторонность. Был отвергнут ее аргумент о том, что сельское

хозяйство по сравнению с промышленностью находится на «мануфактурной стадии». Это трактовалось как сомнение в капиталистическом характере современного сельского хозяйства. В очередной раз разоблачалась ошибочность «закона убывающей производительности» М. Зеринга и «ревизиониста» С. Н. Булгакова. Однозначно отбрасывались теории западных экономистов, объяснявших аграрные кризисы с монетаристских позиций, как следствие дефляции, изменения курсов золота или валют. Однако острие критики было нацелено на М. Спектатора, которому вменялась в вину ошибочная теория аграрного кризиса как «отраженного» промышленного.

Были сформулированы следующие положения. С начала XIX в. сельское хозяйство является капиталистическим, следовательно, аграрные кризисы есть кризисы капиталистические, то есть кризисы перепроизводства. Однако они не подчиняются течению общего капиталистического цикла, так как в сельскохозяйственном производстве, в отличие от промышленности, не два, а три «агента производства», три класса — землевладелец, капиталист и рабочий. Земельная собственность создает ренту. В итоге здесь: «Товар продается выше цены производства благодаря наличию абсолютной ренты. Миграция капитала затруднена существованием земельной ренты» [22, с. 19]. Именно «рента в отличие от промышленного цикла создает в сельском хозяйстве особый цикл» [22, с. 20]. В докладе Г.С. Гордеева была и эмпирическая часть — хронологические ряды кризисов, отдельно аграрных и общих, в основных странах Запада в XIX — начале XX вв. [22, с. 23–30]. В приведенных рядах аграрные кризисы совпадали с «общими» лишь отчасти и в случайном порядке. Никакого собственного «аграрного цикла» в них не просматривалось.

Выступавшие в прениях дружно критиковали М. Спектатора, который, в свою очередь, высту-

пал дважды, оправдываясь и нападая на докладчика. М. Спектатор не настаивал на теории «отраженного» кризиса, но настаивал на том, что корень кризиса надо искать в поднятии технического уровня сельского хозяйства, рента же, по его мнению, не является причиной, а лишь усугубляет кризис. Тем не менее, ему была уготована роль жертвы. Оппоненты, припоминая, что В. И. Ленин еще до революции называл его «оруженосцем Каутского», не скупилась на эпитеты: «распространитель гильфердинговского понимания кризисов», «вредный носитель безусловно немарксистской теории кризисов», «заслуживает жесткого обстрела», «извращение марксистско-ленинской теории в настоящее время обостренной классово-борьбы», «эклектическое двурушничество» [22, с. 39, 40, 43, 59, 71] и т. п. Любопытно, что некоторые участники конференции (Л. Любошиц, Я. Шафир, П. Ульянов) однозначно указывали в качестве верной методологической основы марксистско-ленинской теории аграрных кризисов теорию Парвуса, и даже ставили его имя в ряд классиков – «теория Парвуса, Каутского, Энгельса, Маркса, Ленина» [22, с. 49, 57].

В 1930-е гг. работа по истории мировых экономических кризисов была сконцентрирована в Институте мирового хозяйства и мировой политики (ИМХиМП) под руководством Е. С. Варга. Первый том коллективного труда «Мировые экономические кризисы» увидел свет в 1937 г. [14]. Аграрная тематика в нем не рассматривалась, лишь в приложенных таблицах есть некоторый статистический материал. В предисловии было сказано, что планируются еще 3 тома: 2-й том («основной автор» Л. А. Мендельсон) предполагалось посвятить промышленным циклам и кризисам, 3-й – истории денежных кризисов (И. А. Трахтенберг), 4-й – истории и теории аграрных кризисов; основным автором значилась Р. С. Левина. Однако в 1939 г. вышел 3-й том, и на этом издание прекратилось. Из-

вестно, что Р.С. Левина (1899–1964) до 1948 г. заведовала аграрным сектором Института, была заместителем директора, членом-корреспондентом АН СССР, а в 1948–1955 г. находилась в заключении. Крупных работ по теме аграрных кризисов она не написала, остались ее статья и тезисы 1933–1934 гг. и монография 1937 г., которая похожа на разработку подготовительного статистического материала к обобщающей книге [5–7].

В этих работах Р. С. Левина воспроизводила круг идей, сформировавшихся в среде аграрников-марксистов в конце 1920-х гг., склоняясь к трактовке причин аграрных кризисов с позиции «рентной» теории. Отсутствие цикличности в аграрном развитии и аграрных кризисах аргументировалось качественным отставанием сельского хозяйства от промышленности. Ибо сущность периодических капиталистических кризисов, по Марксу, заключалась в цикличности воспроизводства основного капитала, а сельское хозяйство еще не достигло стадии «машинной индустрии», в нем отсутствовала «система машин», следовательно, в нем не могло быть и циклического воспроизводства капиталов со строгой периодичностью [6, с. 143]. Отставание сельского хозяйства, в свою очередь, представлялось во многом следствием наличия частной собственности на землю: «Наличие монополии земельной собственности тормозит свободный приток и конкуренцию капиталов, отвлекает значительные массы капитала в форме аренды и ипотеки от производительного функционирования. ...Земельная рента обуславливает историческое отставание сельского хозяйства от промышленности, низкий органический состав капитала, относительно низкий удельный вес основного капитала. Воспроизводство основного капитала не выступает как материальная основа цикличности. ...Отсюда характерная для современной промышленности циклическая форма воспроизводственного процесса

не принимает в сельском хозяйстве строгих и точных контуров» [7, с. 4–5]. Основное внимание Р.С. Левина уделяла кризису 1920-х — начала 1930-х гг., поскольку «анализ новейших явлений в мировом аграрном кризисе особенно актуален на современном этапе вызревания революционного кризиса» и «борьбы пролетариата за крестьянские резервы пролетарской революции» [7, с. 3].

В послевоенный период советские политэкономы добавили к анализу новый аграрный кризис, начавшийся, по их представлениям, сразу после окончания Второй мировой войны. Однако тема утратила былую политико-идеологическую остроту. Работы 1940–1950-х гг. воспроизводили тот же круг идей, различаясь расстановкой акцентов. Проблема аграрных кризисов в советской литературе постепенно становилась просто ракурсом для анализа тенденций развития мирового сельского хозяйства.

Из оставшихся в живых участников дискуссий аграрников-марксистов темой продолжал заниматься воронежский профессор Л. И. Любошиц (1901–1989). В 1949 г. на основе его докторской [10] вышла большая монография [9], ему же принадлежала статья об аграрных кризисах в третьем издании Большой советской энциклопедии [8]. В работах Л. И. Любошица окончательно конституировалась теория «длительных аграрных кризисов», которые не есть «частичное явление промышленного кризиса, а существующее наряду с последним самостоятельное явление» [9, с. 62]. По большому счету, теоретической новизны в этих работах не было. Общей причиной кризисов объявлялось «основное противоречие капитализма» — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. При этом специфичность сельского хозяйства обосновывалась наличием ренты, этим же объяснялась особая длительность аграрных кризисов: зафиксированный в ценах на зем-

лю уровень рент тормозит нахождение нового соотношения стоимости и цен.

В 1959–1964 гг. вышел трехтомник Л. А. Мендельсона (1899–1962), посвященный теории и истории капиталистических кризисов [13]. По-видимому, это был итог работы, начатой в ИМХиМП в 1930-е гг. Здесь были и главы, посвященные аграрным кризисам (т. 1, гл. 5; т. 2, гл. 2; т. 3, гл. 8). Л.А. Мендельсон продолжал развивать концепцию длительных аграрных кризисов, которые, с одной стороны, являются, безусловно, капиталистическими кризисами перепроизводства, но с другой — имеют специфику, не являясь ни циклическими, ни периодическими, ибо они «связаны с рентой и законом отставания сельского хозяйства от промышленности» [13, т. 1, с. 184–185]. Оригинальными у него были лишь формулировки, но не существо идей. Всего он выделял в истории два «ясно выраженных аграрных кризиса»: 1) первая половина 1870-х — вторая половина 1890-х гг., 2) 1920–1940 гг., к ним добавлялся кризис «начавшийся в США» в 1947–1948 гг., продолжавшийся к моменту написания книги. Однако подробно описывался только первый из них.

Заслуживает внимания методологическое замечание Л.А. Мендельсона, что индикатором аграрного кризиса выступает снижение цен, а не объема производимой продукции: «В некоторых странах аграрные кризисы вообще не приводят к уменьшению производства в сельском хозяйстве» [13, т. 1, с. 186].

Относительно новым в этих работах был тезис, что аграрные кризисы конечны; Л. И. Любошиц: аграрные кризисы «не являются перманентными или хроническими в смысле их непреодолимости» [9, с. 35]; Л. А. Мендельсон: «Аграрный кризис, как и циклическое перепроизводство, не может быть безысходным, постоянным» [13, т. 1, с. 201]. В 1930-е гг. в СССР считалось, что аграрный кризис будет носить перманентный характер и завершится революцией.

Наметившийся консенсус советских авторов по вопросу конечности аграрного кризиса нарушил Е. С. Варга (1879–1964), вернувшийся в конце жизни к этой теме и заявивший об ошибочности такого мнения [3]. Он считал, что кризисное состояние мирового капиталистического сельского хозяйства после Второй мировой войны есть продолжение и развитие кризиса 1920–1930-х гг. — единый аграрный кризис XX века. При этом кризис последней четверти XIX в. и кризис XX в., по его убеждению, имели различную природу: «Причиной перепроизводства в аграрном кризисе XX в. в период после второй мировой войны явилось не расширение посевных площадей и изменения техники транспорта, как это было в XIX в., а повышение урожайности вследствие интенсификации производства, применения машин и искусственных удобрений в массовом масштабе, — иными словами, превращение сельского хозяйства высокоразвитых капиталистических стран в одну из отраслей капиталистического машинного производства (здесь и далее курсив Варги. — И. К.)» [3, с. 277]. Поэтому: «Аграрный кризис XIX в. был однократным событием в истории капитализма... Это был кризис сельского хозяйства Западной Европы и Востока США, прежде всего зернового хозяйства, а не мировой аграрный кризис, охватывающий все страны и все отрасли сельского хозяйства..., каким является современный аграрный кризис» [3, с. 268].

Другое качественное отличие виделось в появлении в развитых странах, прежде всего США, государственной политики, направленной на борьбу с перепроизводством путем государственных закупок и поставок продовольствия за рубеж в виде продовольственной помощи не по ценам свободного рынка. Уровень сельскохозяйственных цен, благодаря государственной поддержке, становится искусственным и не отражает естественных пропорций. «В итоге всех этих мероприятий, — отмечал академик, — цены все больше

отрываются от стоимости или себестоимости данного товара, что вызывается политическими факторами» [3, с. 292]. Как следствие: «...На основе движения цен сейчас невозможно делать выводы о периодичности аграрных кризисов, о ходе аграрного кризиса вообще. По большинству сельскохозяйственных товаров не существует больше свободных мировых цен» [3, с. 294].

Теория ренты, по его мнению, потеряла в новых условиях свое значение для объяснения аграрного кризиса, так как «удельный вес ренты во всех ее формах (арендная плата, ипотечная задолженность) в расходах сельскохозяйственных производителей падает по мере интенсификации сельского хозяйства» [3, с. 304].

Е. С. Варга считал, что поскольку факторы, вызывающие перепроизводство сельскохозяйственной продукции, — «совершенствование техники с помощью крупных капиталовложений; рост производительности труда, уменьшение числа занятых рабочих; увеличение запасов» — действуют постоянно, то перепроизводство в сельском хозяйстве, а вместе с ним и аграрный кризис, становится хроническим, перманентным: «Аграрный кризис XX в. представляет собой не периодически преходящее явление, а процесс, являющийся частью общего кризиса капитализма» [3, с. 300]. Следовательно, из кризиса нет выхода в рамках капитализма: аграрный кризис является «нециклическим, постоянным (до гибели капитализма) явлением» [3, с. 305].

Представляется, что в этой концепции Е. С. Варги ярко отразилась парадоксальная особенность всякого радикального социалистического мировоззрения воспринимать рыночную экономику (капитализм), даже эффективно работающую, как отклонение от некоей «нормы», патологию, которая подлежит описанию лишь в категориях кризиса и может быть осмыслена лишь в перспективе ее грядущего краха.

Тезис о перманентном характере аграрного кризиса вызвал несогласие со стороны более трезвомысля-

щей части советских политэкономов. Полемизируя с Е. С. Варгой, В. А. Мартынов в статье 1967 г. предложил иную интерпретацию новых тенденций [12]. Разумеется, как все советские политэкономы, он признавал послевоенное состояние сельского хозяйства капиталистических стран кризисным. Он констатировал после Второй мировой войны новый виток падения цен на сельскохозяйственную продукцию, который был связан с коренной технологической перестройкой сельского хозяйства промышленно развитых стран. Он анализировал те же тенденции, что и Е. С. Варга. В частности, отмечал впечатляющие результаты научно-технической революции для сельского хозяйства, указывал на комплексную механизацию и обращал внимание на существенные сдвиги в облике промышленности и современного хозяйства вообще, включая «рост производства синтетических видов сырья, вытесняющих натуральное сырье, и внедрение более экономичных методов использования сырья на единицу продукции», «большую экономию при хранении и доведении сельскохозяйственной продукции до конечного потребителя в результате быстрого развития новых отраслей пищевой индустрии и внедрения новейших (большей частью химических) методов сохранения продукции (развитие холодильной и консервной промышленности, химические консерванты и т. д.)» [12, с. 377].

Однако мысль этого автора двигалась уже в иной парадигме. Отмеченные сдвиги, с его точки зрения, означали, что сельское хозяйство превращается в элемент нового экономического феномена – аграрно-промышленного комплекса. Сельское хозяйство насыщается капиталом, приближаясь по «органическому строению капитала» к индустрии; во второй половине XX в. речь уже идет об «индустриальном сельскохозяйственном производстве». Но это означает не перманентный аграрный кризис, а то, что аграрная сфера, как отрасль экономики, теряет свою специфи-

ку. По мнению В. А. Мартынова, поскольку ключевой тезис о качественном отставании сельского хозяйства от промышленности утрачивает силу, постольку теряет основу и представление о специфичности аграрных кризисов. По мере развития намеченных тенденций динамика аграрного развития должна будет встроиться в общую экономическую динамику, и аграрные кризисы должны будут просто совпадать с общеэкономическими: «Длительные аграрные кризисы носят исторически преходящий характер, т. е. они присущи только определенной исторической стадии капиталистической эволюции сельского хозяйства, когда последнее отставало в своем развитии от промышленности. Если капитализму в развитых капиталистических странах будет отпущено историей время на преодоление этой экономической отсталости сельского хозяйства, оно превратится в «рядовую» отрасль капиталистической экономики. ... В этих условиях неизбежные при капитализме кризисы перепроизводства в сельском хозяйстве будут выступать в качестве составной части общеэкономических кризисов» [12, с. 421]. Таким образом, во второй половине 1960-х гг. в советской политэкономии был заявлено о завершении эпохи особых аграрных кризисов.

О кризисных явлениях в сельском хозяйстве СССР стали писать во второй половине 1980-х гг., сразу, как только ослабла цензура. 1990-е гг. породили горы работ о кризисе российской агросферы. Однако при этом многолетние теоретические изыскания советской политэкономии остались невостребованными. Было признано, что советская политэкономия существовала лишь в соответствующем идеологическом контексте, разрушение которого обесмыслило ее идеи и концепты. Марксистская теория аграрных кризисов вне породившего ее идеологического контекста оказалась неадекватна. В поисках ответов на вызовы времени российская аграрно-экономическая наука пыталась

вернуться к наследию прошлого, крестьянско-кооперативным теориям начала XX в., затем все активнее обращалась к западным экономическим моделям. Широко распространился скепсис по отношению к любым теориям вообще. Между тем, представляется, что идеи о кризисе перепроизводства, который порождается конкуренцией производителей с различными способами производства в условиях падения «регулирующей цены», не выглядят бессмысленными при интерпретации кризиса российского сельского хозяйства 1990-х гг. Можно предложить тезис, что в условиях перехода от советской плановой автаркии к рынку и открытой экономике российский АПК, страдавший технологической отсталостью и хроническим переинвестированием, не выдержал конкуренции с сельским хозяйством более развитых стран, определявшим уровень «регулирующих цен». Анализ этого тезиса составляет предмет отдельной работы.

Список использованной литературы

1. Аукуционек С. П. Дискуссионные вопросы теории цикла / С. П. Аукуционек. — М. : ИМЭМО, 1990. — 165 с.
2. Бондаренко А. К теории аграрных кризисов / А. Бондаренко // Аграрный кризис : сб. ст. — М. : Междунар. агр. ин-т, 1931. — Кн. 1. — С. 45-105.
3. Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма / Е. С. Варга. — М. : Политиздат, 1965. — 383 с.
4. Зеринг М. Аграрные кризисы / М. Зеринг ; пер. с нем. под ред. и с предисл. М. Спектатора. — М. ; Л. : Госиздат, 1927. — 272 с.
5. Левина Р. С. Новые материалы к работе В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» / Р. С. Левина. — М. : Партиздат, 1937. — Вып. 1. — 358 с.
6. Левина Р. С. Послевоенный мировой аграрный кризис / Р. С. Левина // Общий кризис капитализма : сб. ст. / ред. Е. Варга, Л. Мендельсон. — М. : Партиздат, 1933. — С. 134-175.
7. Левина Р. С. Современный этап мирового аграрного кризиса : тезисы к докл. на науч. сессии ИМХиМП / Р. С. Левина. — М., 1934. — 15 с.

8. Любошиц Л. И. Аграрные кризисы / Л. И. Любошиц // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров ; 3-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1970. — Т. 1 : А — Ангоб. — С. 190.
9. Любошиц Л. И. Вопросы марксистско-ленинской теории аграрных кризисов / Л. И. Любошиц. — М. : Госполитиздат, 1949. — 468 с.
10. Любошиц Л. И. Основные вопросы теории аграрных кризисов / Л. И. Любошиц. — Воронеж : Воронеж. обл. кн. изд-во, 1941. — 91 с.
11. Лященко П. И. К теории капиталистических кризисов в сельском хозяйстве / П. И. Лященко // Аграрные проблемы. — 1929. — Кн. 1. — С. 16–46.
12. Мартынов В. А. Послевоенный аграрный кризис / В. А. Мартынов // Современные циклы и кризисы / под ред. А. М. Румянцева [и др.]. — М. : Мысль, 1967. — С. 366–422.
13. Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов / Л. А. Мендельсон. — М. : Соцэкгиз, 1959. — Т. 1. — 692 с. ; М.: Соцэкгиз, 1959. — Т. 2. — 767 с. ; М. : Мысль, 1964. — Т. 3. — 527 с.
14. Мировые экономические кризисы. 1848–1935 / под ред. Е. С. Варги. — М. ; Л. : ОГИЗ, 1937. — Т. 1. — 808 + XXII с.
15. Осинский Н. Мировой кризис сельского хозяйства / Н. Осинский. — М. : Новая деревня, 1924. — 137 с.
16. Парвус А. Л. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис / А. Л. Парвус. — СПб. : О.Н. Попова, 1898. — 144 с.
17. Пикус С. Несколько критических замечаний к «теории» аграрных кризисов тов. Спектатора / С. Пикус // На аграрном фронте. — 1929. — № 1. — С. 22–35.
18. Пикус С. Проблема аграрного кризиса / С. Пикус // На аграрном фронте. — 1928. — № 1. — С. 50–60.
19. Пикус С. [Рецензия] / С. Пикус // На аграрном фронте. — 1929. — № 1. — С. 142–151. — Рец. на кн. : Зеринг. Международное движение цен и состояние сельского хозяйства во вне-тропических странах. [Sering M. Internationale Preisbewegung und Lage der Landwirtschaft in den aussertropischen Ländern. — Berlin : P. Parey, 1929. — XV, 230 s.].
20. Спектатор М. Теория аграрных кризисов / М. Спектатор. — М. : Междунар. агр. ин-т, 1929. — 136 с.
21. Студенский Г. А. Технический переворот в американском сельском хозяйстве / Г. А. Студенский. — Самара : Изд-во «За сплошную коллективизацию», 1930. — 123 с.

22. Труды Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. — М. : Изд-во Комакадемии, 1930. — Т. 2, ч. 2. — 288 с.

Информация об авторе

Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 84 корп. 3, оф. 2003; e-mail: repytwjd68@mail.ru.

Author

Kuznetsov Igor Anatol'evich — Ph.D. in History, Senior Research Fellow, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, office 2003, build. 3, 84, Prospect Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation, e-mail: repytwjd68@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Кузнецов И. А. Дискуссии об аграрном кризисе в советской политической экономике в 1920–1960-х гг. / И. А. Кузнецов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 533–555. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).533-555.

Reference to article

Kuznetsov I. A. Discussions about the agricultural crisis in the Soviet political economy in 1920–1960. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 533–555. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).533-555. (In Russian).